

ПРАВО

УДК 343.535

**О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ ПО ДЕЛАМ О БАНКРОТСТВЕ
ГРАЖДАН**

Азаров Д.В.

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск

Статья отражает авторскую позицию относительно применения правовых норм, предусматривающих возможность отказа гражданину-должнику в праве на освобождение от исполнения требований кредиторов после завершения в отношении него процедуры банкротства.

Ключевые слова: банкротство гражданина, арбитражный суд, должник в деле о банкротстве, кредитор в деле о банкротстве, последствия реализации имущества гражданина.

DOI 10.22281/2542-1697-2023-02-01-77-84

Правовой институт банкротства граждан, не имеющих статуса индивидуального предпринимателя (далее – граждан), существует в российской системе права с 2015 года (закон, вносящий соответствующие изменения и дополнения в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) вступил в силу с 1 октября 2015 года). За истекшие семь лет через процедуру банкротства прошли около 670 тысяч граждан [4], что свидетельствует о социальной востребованности этого института. Вместе с тем следует заметить, что практика применения норм института, так называемого, потребительского банкротства только формируется, и на этом пути встречается достаточно сложностей и противоречий, что обуславливает научный интерес к данной теме. В настоящей работе будут рассмотрены отдельные вопросы правоприменения в делах о банкротстве граждан, при этом акцент будет сделан на применении нормы, предусматривающей лишение гражданина, прошедшего через процедуру банкротства, права на освобождение от денежных обязательств перед своими кредиторами. Именно эти вопросы отличаются наибольшей остротой и сложностью. Автор выражает надежду, что предлагаемый научный взгляд на обозначенные проблемы поможет правильному формированию судебной практики и соответственно - органичной имплементации данного правового института в правовую систему нашего общества.

Итак, в соответствии с пунктами 1-3 ст. 213.28 Закона о банкротстве завершение расчетов с кредиторами влечет освобождение гражданина-банкрота от дальнейшего исполнения требований кредиторов. В общественном мнении и юридической литературе звучит положительная оценка данной нормы, так как благодаря ей гражданин получает возможность законным путем выйти из сложившейся тяжелой, а порой и критической, финансовой ситуации, вернуться к нормальной жизни без долгов и фактически начать ее, что называется, с чистого листа.

Вместе с тем, в оценке отношений, вызванных попаданием гражданина в тяжелую финансовую ситуацию, отчетливо просматривается и, так называемая, прокредиторская позиция. Ее поддержка в общественном мнении не столь велика, однако это обстоятельство компенсируется большими возможностями выражающих ее социальных групп влиять на законодательство и правоприменительную практику. Подтверждением высказанной позиции может служить норма статьи 213.28 Закона о банкротстве, предусматривающая лишение должника права на освобождение от долгов при определенных обстоятельствах, а также складывающаяся судебная практика по применению этой нормы.

И если законодатель, балансируя между общественными потребностями и банковским лобби, включил в институт банкротства гражданина норму о возможности лишения

гражданина-должника права на освобождение от долгов в качестве исключения из общего правила, то судебная практика, по большому счету, общественным мнением никак не связанная, сделала эту норму отнюдь не исключительной. В результате процедура судебного банкротства гражданина, сама по себе достаточно затратная, не редко не достигает ожидаемого от нее эффекта, усугубляя и без того неблагоприятную ситуацию, складывающуюся как в отношении отдельно взятого индивида, так и общества в целом. Понятно, что, как отмечается в литературе и судебной практике, процедура банкротства не предназначена для необоснованного ухода от ответственности и прекращения долговых обязательств, а судебный контроль над этой процедурой не позволяет использовать ее с противоправными целями; однако многое зависит от того, что понимать под противоправной целью.

Рассмотрим в качестве примера одно из дел, рассмотренных в 2022 году Арбитражным судом Брянской области. Фабула такова. Гражданин взял в банке кредит, обеспечив его залогом транспортного средства. Через несколько месяцев автомобиль был поврежден в результате ДТП и продан как не подлежащий восстановлению за некую незначительную для такого вида имущества сумму (порядка 10 тыс. руб.). Еще через год гражданин обратился в арбитражный суд с заявлением о признании его банкротом. Суд заявление удовлетворил, ввел в отношении должника процедуру реализации имущества. Банк заявил требование о включении в реестр как обеспеченное залогом. Арбитражный суд заявление банка удовлетворил частично; требование в реестр включил, но не как обеспеченное залогом, указав в мотивировочной части судебного акта, что предмет залога в составе имущества должника отсутствует. Банк с этим согласился, но при рассмотрении вопроса о завершении процедуры реализации имущества заявил о неприменении к должнику правил об освобождении должника от долга перед ним (банком). И арбитражный суд согласился с позицией банка, не применил к гражданину правило об освобождении его от долга перед банком, отметив в мотивировочной части определения о завершении процедуры, что «процедура банкротства не предназначена для необоснованного ухода от ответственности и прекращения долговых обязательств, а судебный контроль над этой процедурой помимо прочего не позволяет ее использовать с противоправными целями и защищает кредиторов от фиктивных банкротств». Такая история. В старину в таких случаях говорили: вот тебе бабушка и Юрьев день ...

Разумеется, определение обжаловалось, и результата рассмотрения апелляционной жалобы на момент написания настоящей работы нет. Но, судя по тому, что апелляционное производство по данному делу длится достаточно долго (более пяти месяцев), вопросы по нему возникли не только у автора настоящей статьи. В такой ситуации задача юридической науки видится в определении надлежащего, т.е. соответствующего интересам государства и общества, вектора развития правового регулирования данной сферы общественных отношений. Этим и займемся.

Если обратить внимание на нормативно-правовое обоснование анализируемого судебного акта, то в его основе - уже упоминаемая норма пункта 4 статьи 213.28 Закона о банкротстве, согласно которой, если должник при возникновении или исполнении своих обязательств действовал незаконно, в том числе совершил мошенничество, злостно уклонился от погашения кредиторской задолженности, скрыл или умышленно уничтожил имущество, то арбитражный суд в определении о завершении реализации имущества гражданина указывает на неприменение в отношении гражданина правила об освобождении от исполнения обязательств. Заметим, что в норме речь идет о незаконности действий должника. Это важно, так как в литературе и судебной практике наблюдается подмена понятий «незаконность» и «недобросовестность». Пример: «В соответствии с пунктом 4 статьи 213.28 Закона о банкротстве освобождение гражданина от обязательств не допускается, если при возникновении или исполнении обязательств перед кредиторами он действовал недобросовестно (в частности, осуществлял действия по сокрытию своего имущества, воспрепятствованию деятельности арбитражного управляющего и т.п.)» [3].

Воспроизводя содержание правовой нормы, автор цитируемого источника использует выражение «действовал недобросовестно», тогда как в оригинальном тексте говорится - «действовал незаконно».

Тех, кто не видит разницы между этими двумя понятиями, адресуем к работе В.А. Белова «Когда говорит право ...» [1], а сами зададимся вопросом: что же такого незаконного совершил должник? Попал в ДТП? Так это случай, с каждым может случиться (вряд ли должник сделал это умышленно). Не уведомил залогодержателя о повреждении заложенного имущества (пп. 3 п. 1 ст. 343 ГК РФ) и продал его без согласия залогодержателя (п. 2 ст. 346 ГК РФ)? Да, эти нарушения закона имели место. Но, достаточно ли их для такой меры ответственности, как отказ в праве быть освобожденным от долга перед кредитором-залогодержателем, если ориентироваться на примеры, приводимые самим законодателем: «совершил мошенничество, злостно уклонился от погашения кредиторской задолженности, скрыл или умышленно уничтожил имущество»? И не стоит ли в данной ситуации оценить также поведение банка-кредитора, уточнив у него: сколько раз за время действия договора он реализовывал свое право проверять наличие и состояние заложенного имущества (п. 2 ст. 343 ГК РФ); почему он не потребовал досрочного исполнения обеспеченного залогом обязательства (п. 1 ст. 351 ГК РФ), и почему не предложил финансовому управляющему оспорить сделку купли-продажи? Не стоит ли в этой ситуации оценить бездействие финансового управляющего, который не оспорил сделку купли-продажи, совершенную с нарушением закона? По-хорошему, на мой взгляд, именно финансовый управляющий должен был оценить совершенную должником сделку не только на предмет законности, но и на предмет соразмерности цены и товара, отразив в отчете выводы на сей счет. Ведь, по сути, речь идет об убытках, возмещения которых банк вправе требовать от должника-залогодателя на основании п. 2 ст. 346 ГК РФ. Причем это требование банка-залогодержателя не зависит от освобождения гражданина от исполнения его прошлых обязательств, так как обязанность возместить убытки будет новой в отношениях банка с бывшим клиентом, не смотря на то, что вытекает из их прежних отношений.

Оценивая степень добросовестности банка в описываемой ситуации, следует заметить, что его интерес в сохранности заложенного имущества обеспечивается также институтом страхования. В нашем случае предмет залога был застрахован, и выгодоприобретателем в части непогашенной задолженности по кредитному обязательству указан банк, который при должной степени заботливости и осмотрительности мог получить удовлетворение своего интереса за счет страхового возмещения. Но банк, упустив ситуацию, и что называется, прыгая в последний вагон и хватаясь за соломинку, решил таким образом наказать должника, по сути, за свои же (банка) собственные упущения (совсем как в басне И. Крылова «Волк и ягненок»: «У сильного всегда бессильный виноват ...»).

Будет ли с этого экономический эффект для банка, прогнозировать сложно; возможно должник и найдет средства для того, чтобы рассчитаться с банком, а возможно и нет. В последнем случае должник обречен если не всю оставшуюся жизнь, то, во всяком случае, ближайшие пять лет, нести крест финансовой несостоятельности. Как метко заметил Президент Российской Федерации на одном из совещаний с членами Правительства «банки легко и с удовольствием выдают небольшие суммы кредитов ..., но потом эти люди превращаются в вечных должников, и банки, при всем уважении к нашим финансовым институтам, «кровь пьют» из людей прямо до гробовой доски» [4]. Что верно, то верно. От себя бы к сказанному добавил, что суды, при всем уважении к правовым институтам, этому потворствуют.

В контексте излагаемых соображений следует также заметить, что и банк, и финансовый управляющий, являются профессионалами в области экономики, финансов и права. А с обычных граждан какой спрос?! Именно поэтому, на мой взгляд, законодатель, формулируя норму пункта 4 ст. 213.28 Закона о банкротстве указывает примеры действий, за которые может быть применена предусмотренная ей (содержащаяся в ее санкции) мера ответственности, приводит весьма грубые нарушения закона: мошенничество, злостное

уклонение от погашения кредиторской задолженности, сокрытие или умышленное уничтожение имущества (выделено автором).

В приведенном примере не усматривается ничего злостного или умышленного. А результат такой, будто бы есть. Потому что складывающаяся правоприменительная практика, и ведомая ею правовая доктрина, основывается на расширительном толковании этой правовой нормы, я бы даже сказал – безгранично расширительном. «В перечень не поименованных в норме, но часто допускаемых нарушений можно, например, включить утрату предмета залога» [2]. Не поспоришь ...; действительно, практика, как видно из анализируемого примера, такова. Вот только, насколько она верна? Насколько такой способ толкования оправдан?

С одной стороны, один из основополагающих правовых принципов гласит *pacta sunt servanda*, с другой – Россия ведь не только правовое, но и социальное государство (ст. 7 Конституции Российской Федерации), а по сему – *salus populi suprema lex esto*. А если не подниматься на столь высокий уровень обобщения, то следует исходить из того, что коль законодатель в целях толкования нормы установил такие ориентиры в оценке поведения субъектов как мошенничество, злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности, сокрытие или умышленное уничтожение имущества, то нужно соотносить поведение должников-банкротов именно с этими ориентирами и следовательно не ставить знак равенства между утратой имущества и умышленным его уничтожением.

Решение о неосвобождении гражданина от долгов нельзя признать также и справедливым ввиду слишком большой разницы между тем, на что мог рассчитывать банк при исполнении гражданином норм об отчуждении заложенного имущества и тем результатом, к какому пришел гражданин, пройдя через процедуру банкротства. В приведенном примере помимо банка-залогодержателя были и другие кредиторы, поэтому, не смотря на оставшийся после банкротства долг в размере порядка 380000 руб., при оптимистичном взгляде на жизнь процедуру можно признать успешной. А если б этот банк был единственным кредитором? Гражданин вышел бы из процедуры с тем же долгом, с каким и зашел в нее, дополнительно понеся немалые расходы на саму процедуру.

На этом можно закончить рассмотрение социально-экономической и этической сторон обсуждаемой проблемы и вернуться к оценке ее юридической составляющей. Как отмечено выше законодатель предусмотрел в качестве основания для неприменения в отношении должника правила об освобождении от исполнения обязательств совершение должником именно противоправных действий. Идея расширить круг таких оснований за счет действий недобросовестных берет свое начало в правовой позиции, сформулированной в абзаце третьем пункта 28 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 51 от 30.06.2011: «В случаях когда при рассмотрении дела о банкротстве будут установлены признаки преднамеренного или фиктивного банкротства либо иные обстоятельства, свидетельствующие о злоупотреблении должником своими правами и ином заведомо недобросовестном поведении в ущерб кредиторам (принятие на себя заведомо не исполнимых обязательств, предоставление банку заведомо ложных сведений при получении кредита, сокрытие или умышленное уничтожение имущества, вывод активов, неисполнение указаний суда о предоставлении информации и т.п.), суд вправе в определении о завершении конкурсного производства указать на неприменение в отношении данного должника правила об освобождении от исполнения обязательств (статья 10 ГК РФ)». В отношении такого правового подхода вопросов нет. Нормы статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее также – ГК РФ) относятся к основным положениям гражданского законодательства ввиду их расположения в подразделе первом раздела первой части первой кодекса, следовательно, могут применяться к любым отношениям, регулируемым гражданским законодательством. Вместе с тем, такое правоприменение должно быть сбалансированным и дифференцированным. То есть, нельзя подходить к различным группам субъектов с одинаковой мерой. Законодатель предусмотрел для граждан-предпринимателей особый правовой статус; традиционно к таким гражданам предъявляются повышенные

требования. Из этого и стоит исходить. То, что для предпринимателя является непростительным злоупотреблением правом и недобросовестным поведением, влекущем неблагоприятные для него правовые последствия, в отношении гражданина, не обремененного таким статусом, не должно быть таковым. В отношении последних спрос должен быть мягче. И прямой аналогии в правоприменении здесь также быть не должно. Кроме того, как уже подчеркивалось выше, при оценке поведения участников правоотношений на предмет добросовестности не следует ограничиваться оценкой на предмет добросовестности только поведения должника; кредитор, заявляя о недобросовестности должника должен в первую очередь сам быть, что называется, чист и непорочен.

Возвращаясь к приводимому выше примеру из практики, предположу, что возможно, если бы должник имел статус индивидуального предпринимателя, то не уведомление им кредитора-залогодержателя (он же выгодоприобретатель по договору страхования) о наступлении страхового случая и последующую продажу заложенного имущества с присвоением себе вырученных от продажи денежных средств, можно было квалифицировать как недобросовестное поведение, влекущее, исходя из приведенной позиции высокой судебной инстанции, такие жесткие правовые последствия, как не освобождение от долгов. Но тогда бы и банкротство проходило по иной процедуре. Таким образом, идея дифференцированного подхода к регулированию отношений с участием граждан, обладающих статусом индивидуального предпринимателя, и не обладающих таковым не нова, только почему-то не реализуется в правоприменении (во всяком случае, что касается обсуждаемых вопросов).

Другим источником (в широком смысле этого слова), на котором строится позиция правоприменителя относительно невозможности освобождения от долгов гражданина, проходящего через процедуру банкротства и уличенного при этом в недобросовестном поведении, является Постановление Пленума Верховного Суда от 13.10.2015 № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах, связанных с несостоятельностью (банкротством) граждан». Анализируя этот документ, следует заметить, что о недобросовестности как основании для неосвобождения гражданина от долгов говорится применительно к отношениям, возникающим между должником, арбитражным судом, финансовым управляющим и кредиторами должника (пункты 42 и 43); то есть, по сути, речь идет о процессуальных правоотношениях. Что касается отношений, связанных с возникновением и исполнением обязательств, в силу которых у гражданина возникли долги и несостоятельность (материальных правоотношениях), то Верховный Суд ограничиваясь буквальным толкованием закона говорит о незаконности действий как основании для неосвобождения от долгов (пункт 45).

Вместе с тем уже в 2017 году (определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 23.01.2017 № 304-ЭС16-14541) Верховный Суд при рассмотрении конкретного дела со ссылкой на указанное Постановление Пленума высказал позицию относительно недобросовестности как основания для неосвобождения от долгов более обобщенно, указав в частности, что «в ситуации, когда действительно будет установлено недобросовестное поведение должника, суд в соответствии со статьей 213.28 Закона о банкротстве и с учетом разъяснений, изложенных в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13.10.2015 N 45 "О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан", вправе в определении о завершении конкурсного производства указать на неприменение правил об освобождении гражданина от исполнения долговых обязательств». Эта позиция Верховного Суда во многом определила такое направление развития правоприменительной практики, как расширительное толкование пункта 4 статьи 213.28 Закона о банкротстве.

В 2018 году Верховный Суд в определении Судебной коллегии по экономическим спорам от 28.04.2018 № 305-ЭС17-13146(2) по делу А40-41410/16 сформулировал вывод о

том, что «разрешение вопроса о наличии либо отсутствии обстоятельств, при которых должник не может быть освобожден от исполнения обязательств, во многом зависит от добросовестности должника». Не смотря на то, что в указанном судебном акте Верховный Суд отмечал именно процессуальную недобросовестность должника (не предоставление должником сведений о его доходах, расходах, имуществе и сделках супруги должника), правоприменительная практика восприняла его как очередной «зеленый свет» оценивать любые действия и бездействия должника на предмет добросовестности. Такой подход нельзя признать правильным, так как он противоречит как букве, так и духу закона. Автор выражает надежду, что высказанные в настоящей статье соображения приведут к переосмыслению исследуемых правовых норм и изменению правоприменительной практики.

Еще одним интересным аспектом применении нормы пункта 4 ст. 213.28 Закона о банкротстве является вопрос о возможности частичного не освобождения гражданина от его обязательств. Закон ничего по этому поводу не говорит, а судебной практикой единого подхода пока не выработано: встречаются судебные акты, в которых суды применяют норму о неприменении в отношении должника правила об освобождении от исполнения обязательств в отношении определенного обязательства и/или конкретного кредитора (как в анализируемом выше примере), встречаются - и с позицией о том, что должник, проявивший недобросовестность по отношению к одному кредитору, в принципе не добросовестен и не достоин такого блага, как быть освобожденным от долгов. Так Седьмой арбитражный апелляционный суд в постановлении от 7 апреля 2022 года № 07АП-2302/2021(3) отклоняя довод апелляционной жалобы о том, что поскольку признаки недобросовестного поведения должника установлены судом только по отношению к одному из кредиторов, имеются основания для освобождения должника от исполнения обязательств перед иными кредиторами, не мудрствуя лукаво заметил, что «действующее законодательство о банкротстве не предусматривает возможность частичного освобождения должника от дальнейшего исполнения обязательств» [6]; а Арбитражный суд Западно-Сибирского округа в постановлении от 13 июля 2022 года по тому же делу поддерживая коллег из апелляционной инстанции сформулировал позицию так: «аргументы должника о том, что его недобросовестное поведение по отношению к одному из кредиторов не является основанием для отказа в применении правил пункта 3 статьи 213.28 Закона о банкротстве ко всем обязательствам, подлежит отклонению, поскольку по смыслу положений статьи 213.28 Закона о банкротстве недобросовестность является критерием освобождения или неосвобождения от исполнения обязательств в целом» [5]). До Верховного Суда РФ доходили судебные акты, выражающие как одну позицию, так и другую; обе принимались без возражений; Верховный Суд либо не видит проблемы в этой разногласии и потому не считает нужным на нее реагировать, либо еще не определился с позицией по данному вопросу.

Предположу, что наиболее взвешенным и социально ориентированным будет являться подход, согласно которому должник, совершивший неправомерные действия по отношению к одному кредитору должен нести неблагоприятные последствия своего такого поведения по отношению к этому кредитору, и только в случае, если такой кредитор заявит о неприменении к должнику правила об освобождении от исполнения обязательств (в целях соблюдения принципа состязательности арбитражного процесса проявлять суду инициативу в данном вопросе не следует). А вот в случае проявления должником так называемой процессуальной недобросовестности (умышленно не предоставил необходимые сведения или предоставил заведомо недостоверные сведения финансовому управляющему или арбитражному суду) можно рассматривать вопрос о неосвобождении такого должника от исполнения обязательств перед всеми кредиторами, так как все кредиторы заинтересованы в предоставлении полной и достоверной информации о должнике и его имуществе. Однако, и в этом случае, инициатива в неприменении к должнику правила об освобождении от долгов должна исходить от кредиторов; суду не следует, что называется, бежать впереди паровозного дыма, так как не исключено, что интерес кого-то из кредиторов в участии в деле

о банкротстве может состоять в получении возможности списать безнадежную дебиторскую задолженность.

В этой связи следует также заметить, что необходимость предоставления сведений о финансовом положении и источниках доходов – это предусмотренная законом процессуальная обязанность должника (п. 3 ст. 213.4., п. 6 ст. 213.5.), следовательно, ее неисполнение характеризует деяние как неправомерное, а не недобросовестное. Данное уточнение является важным, так как неправомерность и недобросовестность влекут разные правовые последствия: санкция за неправомерное поведение – понуждение и ответственность; санкция за недобросовестность – отказ в защите права (ст. 10 ГК РФ).

Наряду с указанными критериями оценки поведения должника (правомерность и добросовестность) в литературе и судебной практике фигурирует еще один – разумность, а точнее – его отрицательная сторона – не разумность, которая проявляется, например, как наращивание должником долгового бремени в ситуации, когда объективно возможность рассчитаться с кредиторами отсутствует. К глубокому удовлетворению в данном вопросе позиции доктрины и правоприменителя сошлись, и вывод о том, что «принятие на себя непосильных долговых обязательств ввиду необъективной оценки собственных финансовых возможностей и жизненных обстоятельств не может являться основанием для неосвобождения от долгов» [3], следует признать правильным.

Резюмируя сказанное, следует признать, что в правовом регулировании банкротства граждан на сегодняшний день больше спорных вопросов, нежели тех, по которым в профессиональном юридическом сообществе достигнуто единство мнений. Заметно также, что вектор развитию правового регулирования этой сферы общественных отношений задает судебная практика, что, в общем, не плохо, с учетом того, что практика, как известно, критерий истины. Вместе с тем, как показано в настоящей статье, по ряду вопросов правоприменителю не удастся найти решение, которое *de jure* будет считаться единственно верным. В таких ситуациях последнее слово должно быть за юридической наукой, которая собирая, обобщая, систематизируя и анализируя имеющиеся подходы к пониманию правовых норм и регулируемых ими общественных отношений способна предлагать решения, соответствующие целям правового регулирования и стандартам правового государства.

Список использованных источников

1. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 13.07.2022 № Ф04-3007/2022 по делу № А27-17161/2020 // СПС Консультант Плюс (дата обращения 08.12.2022).
2. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 07.04.2022 по делу А27-17161/2020 // СПС Консультант Плюс (дата обращения 08.12.2022).
3. Стенограмма совещания Президента Российской Федерации В.В. Путина с членами Правительства Российской Федерации от 16.11.2022 // Официальный сайт Правительства Российской Федерации (дата обращения 18.11.2022).
4. Белов В.А. Когда говорит право / В.А. Белов // Закон. - 2013.- № 11.
5. Дубец Е.К., Ступина С.А. Возможность и основания частичного освобождения должника от обязательств в деле о банкротстве // Современное право. 2021. №4. С. 93-97.
6. Зарочинцева Е.В. Некоторые особенности рассмотрения дел о несостоятельности (банкротстве) физических лиц // Информационно-аналитический журнал «Арбитражные споры». 2021. № 1. С. 5-38.

Сведения об авторах

Азаров Дмитрий Васильевич – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», кандидат юридических наук. Адрес: 241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 14. E-mail azarov-dv@mail.ru

UDC 343.535

ABOUT SOME QUESTIONS OF THE JURISDICTION IN BANKRUPTCY CASES OF THE CITIZENS

Azarov D.V.

Bryansk State Academician I.G. Petrovski University, Bryansk

The article describes the position of author about utilization of the legal norms, stipulating the opportunity of refusal to a debtor in the right of the exemption from the creditor's claims after the finishing of bankruptcy procedure in relation to him.

Key words: bankruptcy of a citizen, arbitration court, debtor in a bankruptcy case, creditor in a bankruptcy case, effects of the sale of property of a citizen.

References

1. Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District от 13.07.2022 № Ф04-3007/2022 in case № А27-17161/2020 // Consultant Plus (date of application 08.12.2022).
2. Resolution of the Seventh Arbitration Court of Appeal from 07.04.2022 in case А27-17161/2020 // Consultant Plus (date of application 08.12.2022).
3. Transcript of the meeting of the President of the Russian Federation V.V. Putin with members of the Government of the Russian Federation, dated 16.11.2022 // Official website of the Government of the Russian Federation (date of application 18.11.2022).
4. Belov V.A. When the law speaks ... / V.A. Belov // The Law. - 2013. - № 11.
5. Dubets E.K., Stupina S.A. The possibility and foundations for partial deliverance of a debtor from obligations in a bankruptcy case // Modern law. 2021. №4. С. 93-97.
6. Zarochintseva E.V. Some features of the consideration of insolvency (bankruptcy) cases of the natural persons // Information and analytical journal «Arbitration disputes». 2021. № 1. С. 5-38.

Author`s information

Azarov Dmitry Vasilyevich - associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Bryansk State Academician I.G. Petrovski University, Candidate of Law. Address: 241036, Bryansk, Bezhitskaya str., 14. E-mail azarov-dv@mail.ru